

Александрова Мария Александровна

Нижегородский государственный лингвистический университет,
Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
nam-s-toboi@mail.ru

Большухин Леонид Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
lbolshukhin@mail.ru

О пушкинисте В. М. Марковиче

Для цитирования: Александрова М. А., Большухин Л. Ю. О пушкинисте В. М. Марковиче. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (2): 293–303. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.201>

Недавний выход тома пушкиноведческих работ Владимира Марковича Марковича — веский повод для осмысления этой грани его научного наследия. Сложность и ответственность задачи определяется тем, что практически каждая статья Марковича о Пушкине имела новаторский и программный характер, хотя сам автор никогда не декларировал позицию «открывателя новых путей». Важнейшие черты Марковича-пушкиниста — незаурядная исследовательская интуиция и личная смелость. В ранний период эти качества позволили самостоятельно избрать научные авторитеты (полузапретных Ю. Н. Тынянова и М. М. Бахтина); в течение всей жизни ученый оставался независим от предвзятых идей и концепций любого происхождения, будь то официальный литературоведческий дискурс или интеллектуальная мода. Не присоединившись ни к одной определенной научной школе, Маркович каждый раз использовал те методы и филологические техники, которые считал адекватными объекту и предмету исследования. В этом отношении ученый может быть сопоставлен с героем его статей — Пушкиным, чье творчество не укладывалось в рамки конкретных направлений, но благодаря широкому диапазону поисков пересекалось со всеми литературными направлениями современной писателю эпохи. Исповедуя полное и безусловное доверие к тексту, обладая уникальной чуткостью к пушкинским законам смыслообразования, Маркович в своей филологической работе исходил из убеждения, что смысл художественного высказывания неисчерпаем, и потому был далек от жреческого самосознания ряда авторитетных пушкинистов. Как в принципиальной научной полемике, так и в отношениях с потенциальным читателем Маркович занимал позицию диалогического равенства с собеседником «в присутствии» Пушкина. Пожизненная верность исследователя принципу ответственности за собственное слово наделяет его пушкиноведение качествами высокой литературы.

Ключевые слова: В. М. Маркович, Пушкин, пушкиноведение, поэтика.

Непосредственным поводом для написания этой статьи стал выход в 2023 г. в петербургском издательстве «Росток» пушкинского тома работ Владимира Марковича Маркóвича, подготовленного Е. Н. Григорьевой. Единство собранных в книгу текстов «возникает не только потому, что все они посвящены Пушкину, — но и благодаря общему стилю изучения: как правило, статьи содержат анализ конкретных классических текстов и вместе с тем уточняют общие представления о литературном процессе XIX–XX веков» [Васильева, Григорьева 2023: 3].

Перечитывание знакомых страниц (на которые много лет назад, еще в наши студенческие годы, указал нам В. А. Грехнев, высоко ценивший ленинградского коллегу), воспоминания о встречах на конференциях, об услышанных в разные годы докладах Марковича — все это соединилось с новыми впечатлениями: открытием стала ранняя статья, повторно введенная в научный оборот составителем книги; в итоге целое также предстало в новом свете. Рефлексия коллег и учеников Марковича о его научном наследии уже оформилась в плодотворную традицию. Это позволяет нам воздержаться от постановки масштабных вопросов и осветить лишь некоторые грани творческой личности замечательного пушкиниста; мы постараемся поделиться прежде всего тем опытом удивления и радости, которым ему обязаны.

Самая первая статья пушкинского цикла — «Из наблюдений над композицией “Евгения Онегина”» (1963) — написана с той степенью профессиональной зрелости, какую трудно было ожидать от 26-летнего выпускника провинциального педагогического института: полученное там филологическое образование в поздней автобиографии будет оценено крайне скептически [Маркович 2019: 725–726]. В аспирантские годы Маркович «сам формировал себя как ученый» [Виролайнен, Карпов 2016: 257], филология стала не просто профессией, но важнейшей частью его личности [Васильева 2018: 554]. О незаурядной интуиции и личной смелости дебютанта-пушкиниста говорит творческая актуализация идей Ю. Н. Тынянова и М. М. Бахтина [Васильева, Григорьева 2023: 3–4], которые тогда считались более чем «сомнительными» (и даже спустя десять лет обвинения в «формализме» осложнят — несмотря на энергичную поддержку Г. П. Макогоненко — начало работы Марковича на филологическом факультете Ленинградского университета [Маркович 2019: 730–732]). Совпадая с другими выдающимися филологами его поколения в личном выборе научных ориентиров [Виролайнен, Карпов 2016: 257], молодой Маркович доказал, что его собственные заочные уроки у великих предшественников явились в первую очередь школой мысли как таковой. Отсюда характерная манера научного изложения, вовлекающая читателя в авторский интеллектуальный поиск. Отсюда подтверждавшаяся каждым новым шагом свобода от каких бы то ни было «предвзятых идей», получившая «методологическое значение» [Виролайнен 2011: 31]. Поэтому ранняя статья выдерживает сравнение не только с прямым продолжением онегинских штудий — «Как смеется автор “Евгения Онегина”» (1969), но и с другими работами Марковича. Статья об онегинской композиции, где осмысливается целостность «собрания пестрых глав», где стройность общей концепции поддержана отточенностью каждой формулировки, уже обещает исследователя, для которого «процесс постижения смысла не может быть завершен» [Григорьева 2018: 548]. Именно сознание неисчерпаемости смысла «Евгения Онегина» обусловило переходы «от анализа стиливого многообразия к многообразию смысловому»

с последующими возвратами к стилю: пушкинский «стиль оказывается чем-то вроде тела смысла, смысл прочитывается через стиль и никак иначе прочитан быть не может» [Виролайнен 2018: 536].

Одно из уточнений, сделанных редактором при переиздании пушкинистики Марковича, дает возможность прокомментировать творческие побуждения и диалогические интенции исследователя. Было восстановлено первоначальное название статьи, известной до сих пор под нейтрально-академическим журнальным заглавием «Юмор и сатира в “Евгении Онегине”». Разумеется, эта правка, исходившая от консервативной редакции «Вопросов литературы», ничуть не помешала адекватному восприятию предложенной Марковичем концепции иронии — главного средства «осуществления динамики и свободы пушкинского романа» [Виролайнен 2018: 538]. И все же простая формула «Как смеется автор “Евгения Онегина”» драгоценна тем, что выражает переживание свободного (если угодно — **фамильярно**) контакта с **незавершенной действительностью** пушкинского мира: ведь поэт *смеется*, а не *смеялся*. Итак, заглавие статьи — адресованный читателю жест, приобщающий его к пушкинской эстетической свободе и приглашающий разделить с интерпретатором текста радость понимания. Неслучайно эвристическая ирония была одним из любимых приемов Марковича-лектора, чьи устные монологи стали доступны читателям благодаря изданию его университетского курса «Русская литература Золотого века» (2019).

Важнейшая особенность мышления Марковича-пушкиниста — чуткость к любым кризисным ситуациям, когда граница понимания классического текста достигнута и дальнейший поиск кажется невозможным ввиду исчерпания ресурсов конкретной гипотезы, теоретической модели, традиционной филологической практики. Ясно обозначив такой предел понимания (далеко не всегда очевидный для других участников коллизии), Маркович делает по видимости простой, но на самом деле гениальный шаг, благодаря которому открываются новые горизонты. Особенно показательна в этом отношении статья «Чудесное в интимной и политической лирике Пушкина. К проблеме: Пушкин и русский утопизм» (1997), которая представляется нам кульминационной вершиной пушкинистики автора.

Демонстрируя все издержки комментаторского подхода к стихотворению «Во глубине сибирских руд» («значения образов и поэтических деталей пушкинского текста» устанавливаются путем соотнесения «с историческими фактами, которые обнаруживаются “за” текстом, в реальной ситуации его появления» [Маркович 2023: 101–102]), Маркович отнюдь не упрощает чуждую ему позицию, находит повод процитировать, к примеру, те суждения В. С. Непомнящего, которые возвышаются над его же идеей о «зашифрованном» сообщении Пушкина сибирским изгнанникам: пушкинское слово «издает столь мощное излучение юности и любви, мужества и надежды, суровой гражданственности и патриотической страсти, что как бы обладает уже самостоятельным бытием живого существа» [Непомнящий 1984: 175]. Иначе говоря, филологическая полемика Марковича свободна от назидательного элемента. Диалогичны по существу даже самые принципиальные возражения «непонимающим». В этом видится нечто большее, чем соблюдение профессионального *bon ton*’а, а именно: чувство равенства с читателем «в присутствии» Пушкина, столь отличное от жреческого самосознания ряда авторитетных пушкинистов.

Примечателен характер обоснования избранного Марковичем подхода:

...чтобы приблизиться к универсальному смыслу пушкинского послания, можно прибегнуть к условному аналитическому приему и сознательно отвлечься от возможностей, открываемых реальным комментарием. Этот прием позволит актуализировать другую возможность — прочитать непосредственно воспринимаемый пушкинский текст с **полным (иными словами, с прямым и безусловным) доверием к нему** [Маркович 2023: 106]¹.

Так **доверие** — важнейшая ценность пушкинского мира — становится естественной предпосылкой филологической работы.

С самого начала обозначено условие доказательности нового прочтения классического стихотворения — обязанность исследователя принимать во внимание «лишь те поэтические подтексты и ассоциативные связи, подразумевание которых было для большинства читателей пушкинской эпохи своего рода неизбежностью» [Маркович 2023: 107]. Строгое ограничение объекта исследования уравнивает осознаваемую «импрессионистичность» подхода [Маркович 2023: 107], и та же самодисциплина, помноженная на филологическую интуицию, позволяет органично сочетать герменевтический анализ с анализом интертекстуальным. Прорыв за черту привычного понимания текста сопровождается пересмотром не только дискуссионных, но и некоторых общепризнанных, базовых для пушкинистики представлений.

В статье впервые обстоятельно рассмотрено смыслообразующее «соседство» интимной и политической лирики Пушкина, прослежено единство мотивной системы произведений, традиционно включаемых в самостоятельные (или относительно самостоятельные) интерпретационные контексты; привычное отнесение пушкинских стихов к тематическим группам утрачивает какое-либо методологическое значение.

Впервые выявлена «прототипическая» модель обращения к декабристам — ободряющие апостольские Послания, прослежены ассоциации с изложенной в 12-й главе «Деяний апостолов» историей освобождения Петра из темницы Ирода: «чуткий стилистический инстинкт Пушкина проявляется в отборе мотивов и ключевых слов, созвучных именно профетической “тональности” текста» [Маркович 2023: 124]. Взывающий к заточенным *братьям* поэт создает атмосферу, «насыщенную некоторыми суггестивными возможностями» [Маркович 2023: 132]. Эмоциональные и стилевые отсылки к новозаветной образности оживляют такие условно-поэтические формулы, как *надежда, радость, веселье*, при этом *любовь и дружество* становятся главными субъектами действия, мощной силой, гармонизирующей мир даже не в будущем — буквально «здесь и сейчас» [Маркович 2023: 132]. Тем самым совершенно по-новому обоснован утопический характер сибирского послания, убедительно разрешено «противоречие» между политической трезвостью зрелого Пушкина и способностью поэта переживать — вопреки скорбной реальности — торжество братского идеала.

Наконец, поставлен вопрос о своеобразии пушкинской утопии на фоне родственных ей — и неизбежно разошедшихся с ней — тенденций русской культуры («Самое вдохновляющее и самое опасное свойство утопизма, питаемое тяготением

¹ Здесь и далее выделено авторами настоящей статьи.

к чудесному... это его претензия и способность вторгаться в жизнь с целью изменить законы бытия и природу человека» [Маркович 2023: 133]), сопряженных с той миссией литератора, которая позднее будет обозначена декларацией Е. Евтушенко «Поэт в России — больше, чем поэт»:

Пушкин не стремится... быть поэтом «большим, чем поэт». В отличие от своих литературных преемников, он создает сравнительно редкую в русской литературе собственно поэтическую утопию. Перед читателем — поэзия, которая призвана возвысить его душу и расширить горизонты его сознания, не уподобляясь ни религии, ни философии, ни общественной доктрине, ни учительной проповеди моралиста, — самодостаточно и самоценно. Пушкинская катарсическая утопия не вступает в противоречие с принципом «цель поэзии — поэзия». Отсюда — ее особое обаяние, по своему даже более сильное, чем обаяние позднейших художественных утопий самого же Пушкина («Пира Петра Первого», «Анджело», «Капитанской дочки»). Эти построения — более конкретные и определенные, но именно в силу своей определенности утратившие ту неповторимую воздушность смысла, которая отличала более раннее послание в Сибирь [Маркович 2023: 133–134].

Другого филолога в подобной ситуации могло подстергать искушение абсолютизировать одну из выявленных интертекстуальных связей, возведя ее в ранг «всеобъясняющей». Рост авторитета «православного пушкиноведения» в 1990-е гг. создавал условия для превращения мотивов, прямо или опосредованно связанных со Священным Писанием, в универсальный ключ к «последнему», «глубинному» смыслу «Во глубине сибирских руд»; такое прочтение прозвучало бы как полноценное открытие. Но избирательность восприятия противоречит сформулированному Марковичем принципу (прочитываем его вновь): читать «пушкинский текст с **полным (иными словами, с прямым и безусловным) доверием к нему**» [Маркович 2023: 106]. Автор статьи показывает, что утопизм Пушкина находит опору как в этике Священного Писания, так и в романтической эстетике «чудесного». Поэтому реконструкция новозаветного подтекста сибирского послания включена в развернутую систему наблюдений другого рода: любовные и дружеские стихи Пушкина 1820-х гг. рассмотрены как воплощение инвариантной лирической ситуации восстановления гармонии, «торжества духа над рутинными законами земной жизни» [Маркович 2023: 120]. Освещены общие основания «предсказанного чуда» («Запомните ж поэта предсказанье...» [Пушкин 2019: 76]) и «чуда непредсказуемого» («Душе настало пробужденье...» [Пушкин 2019: 50]): это вполне светская сакрализация любви, дружбы и поэзии, обусловившая возможность перенесения «свойств, традиционно воспринимаемых как сверхъестественные, на явления, которые мыслятся естественными» [Маркович 2023: 129]. Утопическое пророчество о *желанной поре*, с его «энергией, рожденной ощущением чудесного» [Маркович 2023: 129], живет памятью многообразного творческого опыта самого Пушкина, его предшественников и современников-собеседников.

Таким образом, все богатство стимулирующего контекста пушкинского творчества представлено исследователем как фактор **неисчерпаемости** смысла конкретного поэтического высказывания. Сам же филологический текст, осмысливающий это богатство, фактически перерастает жанровые рамки статьи и — по своей насыщенности идеями, «потенциальными» исследовательскими сюжета-

ми, отчасти развернутыми (см., например, ценные «предварительные замечания» о продуктивности сравнения сибирского послания с одой Шиллера «К радости» [Маркович 2023: 129–132]) или сжатыми до емких тезисов, — может быть приравнен к монографии. При этом «форма» не страдает от напора «материала», научное изложение на всех этапах сохраняет неизменную стройность; сложнейшую смысловую архитектуру «обнимает» четкая текстовая композиция. Таково свойство самой мысли пушкиниста, демонстрирующее (рискнем это сказать) конгениальность творческому мышлению героя его штудий; без этого была бы невозможной «исследовательская верность предмету» [Виролайнен 2018: 539]. В очередной раз перед читателем «возникает строгая, исчерпывающая и одновременно **открытая** концепция» [Григорьева 2018: 549], немислимая без «дивинационного усилия» исследователя, венчающего строгие аналитические процедуры [Григорьева 2018: 548].

В своих учениках Маркович формировал сознание необходимости «перманентной рефлексии над собственной позицией интерпретатора исследуемого объекта — литературного текста, или культурного события, или научной концепции» [Васильева 2018: 555]. Характерный пример такой стратегии Марковича — его многолетняя работа с базовым для литературоведения советского времени понятием «реализм» (см. обзор: [Виролайнен 2018: 540–541]).

Аналитический разбор истории вопроса в преамбуле статьи «Пушкин и реализм. Некоторые итоги и перспективы изучения проблемы» (1997) был бы ценен даже сам по себе, безотносительно к «проблематизации устойчивых представлений» [Васильева, Григорьева 2023: 5]. Здесь автор характеризует «максимальные достижения российского литературоведения 30-х, 40-х и 50-х годов в осмыслении реализма Пушкина» [Маркович 2023: 181], а затем освещает истинные взлеты пушкиноведения 1960-х — первой половины 1970-х гг., стремящегося «к более точному описанию внутренней организации художественных текстов» [Маркович 2023: 181], трактуемых как реалистические: дан сопоставительный анализ работ Ю. М. Лотмана и С. Г. Бочарова, ставших классическими, отмечено их значение для зарубежного пушкиноведения [Маркович 2023: 182], прослежена преемственная связь между «новыми концепциями и наиболее перспективными идеями предшествующего периода», выдвинутыми Л. Я. Гинзбург, В. В. Виноградовым, М. М. Бахтиным, Р. О. Якобсоном [Маркович 2023: 184–185]. Но все это — лишь экспозиция, а завязкой исследовательского сюжета служит вопрос: почему «за известным временным рубежом (в общем, начиная со все той же середины 60-х годов) термин “реализм” мало-помалу исчезает из обихода исследователей творчества Пушкина»? [Маркович 2023: 186]. Предлагаемые ответы рождают новые вопросы.

Констатируя, с одной стороны, психологическую усталость от авторитарного идеологического дискурса (присвоившего Пушкина в качестве «основоположника русского реализма», олицетворения безальтернативных «традиционных ценностей» — как они понимались в советское время), с другой стороны, осознание методологической непродуктивности пушкинистской концепции Г. А. Гуковского (наиболее идеологизированной и потому официально поощряемой, тесно связанной с дискредитировавшей себя формулой «критический реализм») [Маркович 2023: 187–188], Маркович описывает состояние пушкиноведения, читающего Пушкина «под знаком вечности» [Чумаков 1978: 75–90]. К этой линии принадлежит и сам автор: в его статьях «Сон Татьяны в поэтической структуре “Евгения Онегина”»

(1980), «О мифологическом подтексте сна Татьяны» (1981) предпринято «соотнесение сюжетного действия с мифопоэтической символикой сна героини», что позволило «обнаружить такую смысловую проекцию, в которой события сюжета оказываются проявлениями “мистериальных коллизий” бытия, а действующие лица — субъектами извечного метафизического выбора» [Маркович 2023: 188–190].

Казалось бы, спонтанное избегание понятия «реализм», будучи симптомом деидеологизации литературоведения, дало очевидные благие плоды: окончательно раскрепостило пушкиноведческую мысль и тем самым наметило перспективу дальнейшего движения. Однако Маркович обнаруживает в сложившейся ситуации новые вызовы:

Исчезла ли, однако, проблема «Пушкин и реализм»? Напротив, есть основания полагать, что в 60-е и 70-е годы она как раз и появилась. Никто не опроверг результаты... наблюдений Гинзбург, Виноградова, Бахтина, Лотмана и Бочарова. <...> В сущности, нельзя считать полностью опровергнутой даже концепцию Гуковского... в пушкинских произведениях... так или иначе присутствует мысль о социально-исторической детерминированности человека. Исследования последних трех десятилетий² дали более сложный результат — оказалось, что в ряде произведений Пушкина типология характеров, логика сюжета и система мотивировок определяются не только социально-историческим детерминизмом, но наряду с ним... также и другими, иногда диаметрально противоположными ему принципами. **Такой итог изучения материала, собственно, и создал проблему.** <...> Появилась необходимость разобраться, как же все-таки соотносятся между собой творчество Пушкина и реализм [Маркович 2023: 190–191].

Полагаем, что это не просто дань научной добросовестности, не только акт уважения к делу жизни старших поколений пушкинистов, но и своего рода этический максимализм, обязывающий идти навстречу трудностям. Именно серьезность, масштабность заново осознанной проблемы — предмет дальнейших размышлений автора статьи, подытоженных в финале: «...разработка проблемы натолкнется на серьезные трудности, связанные с поисками адекватного аналитического инструментария и неизученностью целой группы вопросов общего порядка» [Маркович 2023: 198]. Для решения наших скромных задач особое значение имеет заветная мысль исследователя, звучавшая и в других работах Марковича:

...выдающийся писатель, по-видимому, никогда не принадлежит к одному литературному направлению. Он в той или иной степени независим от любого из направлений, в то же время диапазон его творческих поисков настолько широк, что поиски эти пересекаются со всеми литературными направлениями современной писателю эпохи. Более того, творческие искания выдающегося писателя пересекаются и со всеми литературными направлениями прошлого, чьи установки, концепции и конструктивные особенности оказываются актуальными для его современности. А поскольку вектор творческих исканий такого писателя обычно направлен в будущее, неизбежно пересечение его устремлений с литературными направлениями, которым еще только предстоит появиться [Маркович 2023: 197].

² Напомним, что итоги подводятся в 1997 г.

Коллеги Марковича уже проводили аналогии между его собственными научными установками («Для него не существует единственно верной научной системы, потому что такая система оборачивается сковывающими правилами» [Григорьева 2018: 550]) и характеристиками творческого мышления Пушкина. Рассматривая в статье «Как смеется автор “Евгения Онегина”» приемы нейтрализации «агрессивных притязаний» чужих стилей, способы преодоления любой ограниченности, статики, замкнутости, исследователь приближается едва ли не к автометаописанию:

Как кажется, именно в этих высказываниях следует искать ответ на вопрос, почему Маркович не следовал какой-либо определенной методологии. «Агрессивные притязания» «чужого» стиля несомненно родственны агрессивным притязаниям любой определенной методологии, уже в силу своей определенности формирующей замкнутый, ограниченный... и несвободный мир [Виролайнен 2018: 539].

Усиливая раннюю концепцию пушкинской свободы (и, соответственно, подтверждая самоопределение филолога в гуманитарном пространстве), размышления автора статьи «Пушкин и реализм» добавляют, как нам представляется, еще одну черту к научному портрету Марковича. Тезис о заведомой независимости Пушкина от любых «системных» явлений своего времени, о неизбежном пересечении его устремлений с теми литературными явлениями, которым еще только предстоит появиться, может осветить характер внимания исследователя к послепушкинской культуре.

«Инобытию» Пушкина в позднейшем литературном сознании посвящена почти половина статей пушкинского тома Марковича, причем четыре из шести текстов — о поэзии «ленинградского андеграунда» (написаны в период с 1998 по 2005 г.). О чем — помимо естественного интереса ленинградца-петербуржца к судьбе «гения места» — говорит такая тематическая «диспропорция»? По-видимому, исследователь убеждается в том, что на пушкинский «вызов» будущим поколениям был дан полноценно-творческий, то есть парадоксальный ответ: ведь «понимание имеет дело с парадоксальной истиной и само обладает качеством парадоксальности» [Маркович 2008: 302].

Маргинализация в поэзии нонконформистов классической традиции возвращает ей «первоначальную метафизическую значимость» [Маркович 2023: 308] и позволяет

...ввести ее в систему неклассического речевого поведения, эксцентрического и динамично-игрового, которое делает важнейшие компоненты этой традиции совместимыми с усложненной психологией и постоянно кризисным самосознанием творческой интеллигенции XX столетия, вообще с демонстративно и принципиально неканонической «альтернативной» культурой [Маркович 2023: 307].

Завершая этот вынужденно фрагментарный обзор пушкинистики Марковича, особо отметим риторическое мастерство исследователя, которое неизменно «добавляет к аналитической аргументации суггестивную» [Васильева, Григорьева 2023: 6]. Здесь уместно вспомнить размышления С. Г. Бочарова о филологическом деле:

Роль литературоведения по отношению к литературе противоречива. Литературоведению подобает скромность: оно литературе служит, литературоведческая речь — это косвенная речь по определению; и именно как таковая она имеет свои особые возможности в мире мысли (и, очевидно, в этом ее характере заключается также **ее особая этика**). В то же время, автор в этом убежден, литературоведение — это тоже литература и филолог — это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, **он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово** [Бочаров 1999: 12].

Пожизненная верность Марковича принципу ответственности за собственное слово наделила его филологические тексты свойствами высокой литературы, притягательной для читателя Пушкина.

Источники

Пушкин 2019 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 20 т. Т. 3, кн. 1. Березкина С. В., Виролайнен М. Н. (ред). СПб.: Наука, 2019.

Литература

- Бочаров 1999 — Бочаров С. Г. *Сюжеты русской литературы*. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Васильева 2018 — Васильева И. Э. Герменевтическое литературоведение как язык культурной эпохи: к дискуссии о кризисе филологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018, 15 (4): 552–569. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.404>
- Васильева, Григорьева 2023 — Васильева И. Э., Григорьева Е. Н. Предисловие. В кн.: Маркович В. М. *О Пушкине. Работы разных лет*. Григорьева Е. Н. (ред). СПб.: Росток, 2023.
- Виролайнен 2011 — Виролайнен М. Н. *«Евгений Онегин»: методы анализа пушкинского романа в стихах в историческом освещении: учеб. пособие*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011.
- Виролайнен, Карпов 2016 — Виролайнен М. Н., Карпов А. А. Памяти Владимира Марковича Марковича. *Русская литература*. 2016, (4): 257–258.
- Виролайнен 2018 — Виролайнен М. Н. В. М. Маркович: поэтика мысли. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018, 15 (4): 535–543. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.402>
- Григорьева 2018 — Григорьева Е. Н. Спецсеминар В. М. Марковича «Классика и авангард»: методологические основания. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018, 15 (4): 544–551. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.403>
- Маркович 2008 — Маркович В. М. *Избранные работы*. Андрианова М. Д. (отв. ред.). СПб.: Ломоносовъ, 2008.
- Маркович 2019 — Маркович В. М. *Русская литература Золотого века: лекции*. Григорьева Е. Н. (ред.). СПб.: Росток, 2019.
- Маркович 2023 — Маркович В. М. *О Пушкине. Работы разных лет*. Григорьева Е. Н. (ред). СПб.: Росток, 2023.
- Непомнящий 1984 — Непомнящий В. С. Судьба одного стихотворения. *Вопросы литературы*. 1984, (6): 144–181.
- Чумаков 1978 — Чумаков Ю. Н. Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине». В кн.: *Болдинские чтения*. Алексеев М. П. и др. (редкол.). Горький: Волго-Вятское книж. изд-во, 1978. С. 75–90.

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2023 г.
Статья рекомендована к печати 12 февраля 2024 г.

Maria A. Aleksandrova

Nizhny Novgorod State Linguistic University,
31a, ul. Minina, Nizhny Novgorod, 603155, Russia
nam-s-toboi@mail.ru

Leonid Iu. Bol'shukhin

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russia
lbolshukhin@mail.ru

About Pushkinist V. M. Markovich

For citation: Aleksandrova M. A., Bol'shukhin L. Iu. About Pushkinist V. M. Markovich. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (2): 293–303.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.201> (In Russian)

The recent publication of a volume containing the Pushkin studies authored by Vladimir Markovich Markovich provides an excellent opportunity to reflect on this aspect of his research legacy. The complexity and responsibility of this task is determined by the innovative and programmatic nature of practically every article by Markovich on Pushkin, even though the author himself never claimed to be a “discoverer of new ways”. As a Pushkinist, Markovich is most known for his exceptional scholarly intuition and unwavering personal courage. In the early period, these qualities enabled him to independently choose the scientific authorities (the semi-forbidden Y. N. Tynyanov and M. M. Bakhtin); throughout his life, the scholar remained independent of preconceived ideas and concepts of any origin, be it the official literary discourse or intellectual fashion. Without adhering to a specific scientific school, Markovich each time applied those methods and philological techniques that he considered adequate to the object and matter of his research. In this respect, the scholar under discussion can be compared to the protagonist of his studies, Pushkin, whose work did not fit into the patterns of specific literary movements, but due to a wide range of artistic searches intersected with all literary trends of the epoch contemporary to the writer. Confessing full and unconditional trust in the text, possessing a unique sensitivity to Pushkin's laws of meaning formation, Markovich in his philological work is guided by the conviction that the meaning of an artistic statement is boundless, and therefore was far from the somewhat priestly stance of some authoritative Pushkinists. Both in principled scientific polemics and his attitude towards prospective readers, Markovich took the position of dialogical equality with his interlocutor “in the presence” of Pushkin. The researcher's lifelong fidelity to the principle of responsibility for his own words makes such Pushkin studies more than philology: it is high literature.

Keywords: V. M. Markovich, Pushkin, Pushkin studies, poetics.

References

- Бочаров 1999 — Bocharov S. G. *Plots of Russian literature*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. (In Russian)
- Васильева 2018 — Vasil'eva I. E. Hermeneutic literary studies as a language of a cultural epoch: Discussing the crisis in philology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, 15 (4): 552–569. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.404> (In Russian)
- Васильева, Григорьева 2023 — Vasil'eva I. E., Grigor'eva E. N. Preface. In: Markovich V. M. *O Pushkine. Raboty raznykh let*. Grigor'eva E. N. (ed.). St. Petersburg: Rostok Publ., 2023. (In Russian)
- Виротайнен 2011 — Virolainen M. N. “Eugene Onegin”: *Methods of analysis of Pushkin's novel in verse in historical light: a textbook*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2011. (In Russian)
- Виротайнен, Карпов 2016 — Virolainen M. N., Karpov A. A. In memory of Vladimir Markovich Markovich. *Russian Literature*. 2016, (4): 257–258. (In Russian)

- Виролайнен 2018 — Virolainen M.N. V.M.Markovich: Poetics of thought. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, 15 (4): 535–543. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.402> (In Russian)
- Григорьева 2018 — Grigorieva E.N. V.Markovich's special seminar "Classics and Avant-garde". Methodological grounds. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, 15 (4): 544–551. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.403> (In Russian)
- Маркович 2008 — Markovich V.M. *Izbrannyye raboty*. Andrianova M. D. (ed.). St. Petersburg: Lomonosov Publ., 2008. (In Russian)
- Маркович 2019 — Markovich V.M. *Russkaia literatura Zolotogo veka: Lektsii*. Grigor'eva E.N. (ed.). St. Petersburg: Rostok Publ., 2019. (In Russian)
- Маркович 2023 — Markovich V.M. *About Pushkin. Works from different years*. Grigor'eva E.N. (ed.). St. Petersburg: Rostok Publ., 2023. (In Russian)
- Непомнящий 1984 — Nepomniashchii V.S. The fate of one poem. *Literature questions*. 1984, (6): 144–181. (In Russian)
- Чумаков 1978 — Chumakov Yu.N. Poetic and universal in "Eugene Onegin". In: *Boldinskie chteniia*. Alekseev M. P. et al. (eds). Gorky: Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978. P.75–90. (In Russian)

Received: December 11, 2023

Accepted: February 12, 2024